

*Шемякин Я.Г.**

Цивилизационная идентичность Латинской Америки в свете наследия Хосе Марти

Аннотация: В статье анализируется проблема цивилизационной идентичности Латинской Америки в свете наследия Хосе Марти. Автор видит своеобразие латиноамериканской цивилизации в ее «пограничности». Отличительной чертой этого цивилизационного типа является особый, отличный от великих «классических» цивилизаций Востока и Запада характер соотношения начал (принципов) единства и многообразия, характеризующийся доминантой многообразия при парадоксальном сохранении реального единства цивилизационной системы. Изучение наследия Марти позволяет понять, что многообразие является одновременно и отрицанием, и условием подобного единства.

Ключевые слова: Латинская Америка, наследие Хосе Марти, традиция, цивилизация, единство, многообразие

УДК 930.85(8)

Abstract: In article the problem of civilization identity of Latin America in the light of Jose Marty's heritage is analyzed. The author sees the peculiarity of the Latin American civilization in its "borderline". A distinctive feature of this civilizational type is the character of the correlation of the principles (principles) of unity and diversity, different from the great "classical" civilizations of the East and the West, namely, the dominant of diversity in the paradoxical preservation of the real unity of the civilizational system. Studying Marty's legacy allows us to understand that diversity is both a negation and a condition for such unity.

Key words: Latin America, the heritage of José Martí, tradition, civilization, unity, diversity

Настоящая статья посвящена весьма необычному ракурсу на проблему этнографической теории – поиску элементов или отголоском марксистской теории у ученых, которые исследовали культуры Океании. С одной стороны, такой ракурс действительно является необычным, если мы вспомним, что русских дореволюционных, советских, а также российских исследователей, занимающихся именно этнографическими проблемами Океании совсем не много. Один из первых российских исследователей Океании – Н.Н. Миклухо-Маклая – настолько выделяется, что сам стал легендой и породил серию исследований о нем самом¹.

* *Шемякин Яков Георгиевич* – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН (e-mail: shemyakinx3@gmail.com)

¹ См. Старое и новое в этнографическом изучении наследия Н.Н. Миклухо-Маклая. СПб., 2014; Титорский А.В., Винецкая А.А. Берег Маклая 140 лет спустя // Исторические исследования. 2015.

С другой стороны, сама этнографическая (социально-антропологическая) проблематика подталкивает к поиску таких теоретических основ, которые с большой долей вероятности приводят к левым политическим идеологиям. Чрезвычайно популярный в современной западной науке теоретик-анархист Дэвид Грэбер пишет: «Не то, чтобы антропологи исповедовали анархизм или даже сознательно поддерживали анархические идеи; скорее они вращались в тех же кругах; их идеи как правило соприкасались друг с другом, было что-то в антропологической мысли, в частности, глубокая осведомленность о диапазоне человеческих возможностей, что роднило ее с анархизмом с самого начала»².

Сделаю важную оговорку. В настоящей статье автор будет говорить о марксистских идеях, но в качестве единомышленника будет использовать мысли Д. Грэбера из его работы «Фрагменты анархистской антропологии». Я отдаю себе отчет в том, что анархистские идеи и марксистские не полностью тождественны, а в целом ряде аспектов – противоположны друг другу. Вместе с тем, в значительном количестве случаев марксисты и анархисты ведут борьбу против «западного модернового общества», обосновывая идеи равенства, обмена без денег, самоорганизующихся властных структур. Именно поэтому, особенно в ряде случаев рубежа XIX – XX века, можно говорить о том, что эти идеи скорее отражали общие «антизападные чаяния» европейской научной молодежи, а не относились к догматам того или иного политического мировоззрения.

В настоящей статье я постараюсь показать два аспекта взаимовлияния марксистских идей и теории изучения океанийских обществ. Первый аспект – это ситуация зарождения полевых исследований этнографической науки (конец XIX – начало XX века). В это время не было четко очерченной теории объяснения законов существования самих сообществ Океании, и на ее место в отсутствие полевых данных часто приходили те теории, которые уже были в багаже исследователя, так произошло с Б.К. Малиновским и М. Моссом. Второй аспект – это ситуация второй половины XX века, даже точнее 1950-х – 1960-х годов XX века. Это время, когда после победы Советского Союза в Великой Отечественной войне популярность как нашего государства, так и его идеологических основ, в мире была очень велика. Некоторые западные ученые сознательно отталкивались от марксистских идей в исследованиях и приходили к весьма интересным результатам: так было с П.М. Уорсли и М. Годелье.

Данная статья не претендует на роль полноценного исследования. Обзор публикаций по связи марксистской теории и исследований Океании была подготовлена для секции «Марксизм и этнография», прошедшей в мае 2018 года Московском Государственном университете. Вместе с тем, даже в рамках такого обзора материалы оказались интересными, и автор очень благодарен редакторам данной подборки статей за приглашение написать этот текст.

² Грэбер Д. Фрагменты анархистской антропологии. М., 2014. С. 14.

Исследователи Океании первой половины XX века

Вернемся к мысли, что теории, объясняющей многие аспекты существования океанийских обществ, да и многих других общества, в конце XIX века еще не было. Эволюционная теория объясняла, почему одни общества, среди множества других, существовавших во второй половине XIX века, можно считать более развитыми, а другие – менее развитыми, более архаичными или даже «первобытными». В случае столкновения с обществами Океании, которые казались европейцам экзотикой, это приводило к актуализации антикапиталистических (и марксистских, и анархических, и народнических) идей.

Начну обзор с двух ученых. Один из них представлен как предтеча анархистской теории антропологии у Д. Гребнера, это Марсель Мосс. Второй же является классиком функциональной теории в антропологии, и это Бронислав Каспер Малиновской. Эти два исследователя представляют два примера взаимоотношений социалистических идей и этнографической (антропологической) теории. Начнем разговор с Б. К. Малиновского, который старался уйти манифестации своих политических воззрений, но достаточно четко выразил их в своих работах, не называя политические теории своими именами.

Начать разговор об «антропологической биографии» Малиновского можно с цитаты Д. Грэбера об отце-основателе эволюционистской этнографии Джеймсе Джордже Фрезере. Этот ученый был воплощением викторианской научности, членом одного из весьма престижного колледжа Святой Троицы в Кембридже, преподавателем античной литературы, одним словом, «классическим неповоротливым викторианцем», снисходительно объяснявшим особенности обществ Океании «глупыми логическими ошибками»³. Пожалуй, сложнее представить себе человека более далекого от «анархических» или марксистских взглядов. Однако именно с его книги «Золотая ветвь» начинается путь в этнографию (социальную антропологию) специализировавшегося по физике и математике студента Ягеллоновского университета в Кракове Бронислава Малиновского. Именно эта книга заставила отказаться от благонадежной специальности и дальнейшей карьеры в пользу познания «других», изучения первобытных обществ, объяснения экономики не ведущих стран мира, а немногочисленных людей с далеких островов.

В лекции об интерпретативном повороте в англоязычной антропологии А.А. Никишенков говорит о нем, в юности он «по ряду идей примыкал к движению "Молодая Польша", такое было движение типично такого модернистского, авангардистского свойства. Оно еще имеет название "сецессион"... Они не знали, что с Польшей делать, они не хотели воевать с Германией и Россией. Они хотели, чтобы польская культура была жива, но в то же время претензии Польши на державу «od morza do morza» – это утопические явления. Вот такая была [идея – А.Т.], ни два, ни полтора, ни то, ни се,

³ Там же. С. 15

с точки зрения радикалов. Поэтому движение было обречено на затухание...»⁴ Этот противоречивый идеал – «живая культура» и «отсутствие государства» – Малиновский перенес с свои научные работы.

Например, на страницах книги «Аргонавты западной части Тихого Океана» перед нами предстает захватывающая картина культуры жителей островов Тробрианд, которые вместе с другими островитянами строят гигантские каноэ, отправляются в дальние и опасные путешествия для того, чтобы совершить обмен таинственными предметами «ваигу'а». Читатель узнает множество подробностей о летающих ведьмах, детских жертвоприношениях во время бури, сложностях обмена кула как между поселениями разделенными сотнями километров океана, так и внутри одной семьи. Но мы не узнаем о политической и государственной системе тробриандцев. Она существует. В деревне есть вожди, которые занимают особое место в системе обменов кула, им также позволено иметь множество жен, которые в значительной степени и создают их богатство. Но мы не видим государственной структуры, мы не видим пышных церемоний...

Был ли Малиновский марксистом? Конечно же нет. Однако его поиск идеалов «исторической Польши» в культуре без государства показывает, что мир этнографических исследований Океании был миром особых людей. Людей, которые не могут вписаться в современное им общество и бегут на европейский «край света» воплотившихся в реальности картин из их идеальных миров. И эта мечта о высокой культуре без государства как у Малиновского, о «государстве без аппарата власти» как у А.Р. Редклифф-Брауна, капиталистической системы без денег как у М. Мосса является одним из форм взаимодействия марксистских воззрений и этнографии Океании. Этот регион в системе «западного капиталистического мира» была и остается «краем света», где есть острова, где все просто, властные отношения «легко» (и главный акцент делается именно на этом слове – *A.T.*) понять, а после овладения «простыми папуасскими властными схемами» можно подходить к изучению сложных политических систем Европы. Альтернативные модерности – анархистская или марксистская – наоборот черпали в океанийской реальности факты, подтверждающие возможность воплощения своих идеалов.

Второй пример – Марсель Мосс – гораздо четче определяет свои воззрения. Мосс родился в семье ортодоксальных евреев в Лотарингии, учился в университете Бордо под руководством своего дяди Эмиля Дюркгейма. В студенческие годы много общался со своим однокурсником коммунистом Марселем Кашеном, а в 1904 году вместе с Жаном Жоресом выступил в качестве основателя газеты «Юманитэ», в которой долгое время работал секретарем редакции⁵. Что же касается его повседневной жизни, то по словам Д. Грэбера, «большую часть своей жизни он управлял потребительским кооперативом в Париже и постоянно писал длинные скучные статьи в социалистические газеты,

⁴ Никишенков А.А. Интерпретативный поворот. С. 34-35.

⁵ Гофман А.Б. Социальная антропология Марселя Мосса // Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М., 2011. С. 11.

проводя научные исследования в области кооперативов в других странах и пытаюсь создать связи между кооперативами для построения альтернативной антикапиталистической экономики»⁶.

С 1901 года Мосс возглавлял кафедру истории религий «нецивилизованных народов» в Эколь пратик в Париже и активно участвовал в научных исследованиях. Тем не менее, участие в политических дискуссиях, составляло важную часть его жизни. По мнению Д. Грэбера, наиболее известная книга «Очерк о даре» (1925) «была написана под влиянием кризиса социализма, который он видел в повторном введении рыночной экономики в Советском Союзе». А обращение к этнографическому материалу задумывалось как попытка продемонстрировать, «что из себя представляет рынок на самом деле и какими могли бы быть реальные жизнеспособные альтернативы капитализму». То есть, это был вариант полемической политической статьи на злобу дня, адресованной советским коммунистам, о том, что и как можно строить⁷. Это подтверждает и публицистическое слово «Очерк...», вынесенное в заглавие труда, который несмотря на это стал классикой мировой антропологии⁸.

Одна из важных идей его работы, основанная как раз на анализе института кула из работ Б. Малиновского и подтверждающая построения Д. Грэбера, состоит в том, что «определенная часть человечества, относительно богатая, трудолюбивая, создавшая значительны излишки, могла и может обменивать множество вещей в иных формах и на иных основаниях, чем те, что присущи нам»⁹. Завершают работу, как известно, среди прочих выводов и «Нравственные выводы». Этот раздел завершается маорийской пословицей: «Отдавай столько, сколько ты берешь, и все будет очень хорошо». Это найденный в одной из культур Океании аналог принципу «каждому по потребностям, от каждого по способностям». Это не полное тождество. Принцип Морелли-Маркса предполагал изобилие коммунистического общества и то, что давать обществу можно меньше, чем брать. Однако суть лозунга и пословицы одинакова: обмен – это не частное дело двух индивидуумов, это отношения индивидуума и общества.

Отрицание универсальности рыночных отношений между людьми, незримое присутствие 'общества' при обмене, апелляция к его интересам в процессе обмена – это, безусловно, отсылка к социалистическим идеям. Сам М. Мосс переносил этот принцип и на свою научную деятельность. Он считал, что «любая наука – плод совместного труда»¹⁰. А если добавить к этому, что его учитель и дядя Э. Дюркгейм полагал, что в религии общество под «священным» почитает само себя, то станет понятно, что социалистические воззрения, идеалы, связанные с обществом, были важны для Мосса в самых разных сферах, а «этнографический аспект» его жизни был неразрывно связан с его политическими воззрениями и социалистическими жизненными идеалами.

⁶ Грэбер Д. Указ. соч. С. 17-18.

⁷ Там же. С. 18

⁸ Гофман А.Б. Указ. соч. С. 9.

⁹ Мосс М. Очерк о даре. С. 189.

¹⁰ Гофман А.Б. Указ. соч. С. 10

Завершая этот раздел можно еще раз подчеркнуть ту мысль, что связь социалистических идей и этнографии Океании разнонаправленно. С одной стороны, к океанийским материалам обращались ученые, в умах которых протест против западного общества уже существовал до появления этнографических интересов и до обращения к океанийским материалам. С другой стороны, сами материалы таковы, что объяснять их западному обществу можно или «глупыми логическими ошибками», или принципиально иным мировоззрением. Второй вариант как правило лучше получался у людей, симпатизировавших марксистской или анархистской идеологии.

Этнография Океании и марксизм: случай П. М. Уорсли

В 1950-е – 1960-е годы, после Второй мировой войны, марксизм стал научной модой, в особенности эта мода была популярна в Франции. В англоязычных странах консервативность академического мира не позволяла ученым, открыто позиционировавшим себя как марксистов, занимать значимые должности. Этот запрет, конечно, можно было преодолеть. В американской науке была выдумана собственная теория, видевшая мир с «марксистского ракурса», но называвшая вещи другими именами. Речь идет об американском неозволюционизме. Это направление вышло из боасианской антропологии, корни которой уходят корнями в культуру европейских еврейских интеллектуалов, подобно взглядам Э. Дюркгейма, М. Мосса, В.Г. Богораза, Л. Штерберга, М. Глакмана, К. Поланьи, К. Леви-Строса и ряда других. В основе учение лежит представление о том, что культура создается под влиянием окружающей среды, в результате чего появляются язык и религия. Это утверждение очень близко делению мира на материальный (производственные отношения) и духовный (социальная надстройка). К этому направлению относились такие ученые как Л. Э. Уйат, Дж. Х. Стюард, М. Харрис. Взгляды последнего называют «культурный материализм», что еще более отчетливо демонстрирует связь с марксизмом.

Впрочем, не все ученые старались скрыть свое увлечение марксизмом. Одним из людей, которые открыто высказывали симпатии этой идеологии был британец Питер Морис Уорсли. Он родился в городе Биркенхед, графство Мерсисайд, в семье мелкого предпринимателя в 1924 году. По его собственным воспоминаниям, он с детства мог видеть социальное неравенство, а смена школ – с католической на протестантскую – «научила его толерантности по отношению к чужим традициям и расширила его кругозор»¹¹.

В 1942 году он поступил в Кембридж, для изучения английской литературы. Через три месяца, под впечатлением известий о Сталинградской битве, он стал членом коммунистической партии. После окончания первого года обучения Уорсли отправился для службы в вооруженных силах Ее Величества

¹¹ Peter Worsley: A Life, interviewed by Alan Macfarlane. (Accessed April 2013) Feb, 1989. P. 1.

в Африке и Индии. Уорсли рассказывал: «Я был красным. И в Индии установил контакты с представителями Коммунистической партии Индии»¹².

В 1947 году он возвращается в Кембридж и попытался изменить свою специальности на социологию, но под влиянием Макса Глакмана выбрал профиль «социальная антропология». Тогда же Питер Уорсли стал учить русский язык, читал на нем этнографическую литературу и «имел связи с "советскими антропологами"»¹³.

В это же время он работал в британской Восточной Африке в печально известном государственном проекте «Программа внедрения арахиса в Танганьике» (1945-1951). «Схема», инициированная премьер-министром К. Эттли, ставила своей целью распространение посевов арахиса среди африканцев для борьбы с голодом и последующей организацией экспорта. Параллельно экономическим шагам шло обучение местных жителей английскому, а местных британских экспатов – суахили. В обязанности Уорсли входило редактирование учебника по английскому языку для африканцев и учебника по суахили для англичан.

Его дальнейшей карьере антрополога-африканиста помешало вмешательство МИ-5. Английская контрразведка вела наблюдение за молодым коммунистом, изучающими суахили, и помешала его планам проведения полевого исследования в Центральной Африке, для организации которого множество сил приложил его руководитель Макс Глакман. Тогда по совету руководителя он отправляется в Австралийский национальный университет для написания диссертации. Здесь МИ-5 вновь вмешивается в его планы. Уорсли готовился писать диссертацию по культурам «карго» Меланезии, для этого он проработал солидный объем этнографической литературы и архивных материалов. Однако ему запрещают проводить исследование на Новой Гвинее. В итоге Уорсли написал диссертацию по системам родства в Заливе Карпентария, однако, после возвращения в Англию именно его материалы по карго были переработаны им в книгу «Когда вострубит труба».

После событий 1956 года в Венгрии его отношение к коммунизму и социалистическим государствам постепенно меняется. Середина 1950-х – время поездки – совпало с подъемом антикоммунистических настроений по всему миру: Уорсли принял меры и избавился от коммунистической литературы, закопав ее у себя в саду¹⁴. Он постепенно отходит от антропологии все больше времени посвящая проблемам социологии «третьего мира», позитивно оценивая нейтральность этих стран по сравнению с коммунистическим и капиталистическим блоками. А к середине 1960-х он становится вполне благонадежным профессором, и уже сам подвергается в 1968 году нападкам со стороны радикально настроенной английской молодежи. С 1973 по 1975 он

¹² Ibid. P.2.

¹³ Ibid. P.4.

¹⁴ Ibidem.

занимал должность председателя британской социологической ассоциации, а с 1979 по 1981 – декана факультета социальных наук в Манчестере. Питер Уорсли умер в 2013 году в возрасте 88 лет.

Книга «Когда вострубит труба» является его первым и последним последовательно марксистским произведением. Несмотря на отсутствие полевого исследования, книга была воспринята научным сообществом благожелательно и выдержала несколько изданий (1968, 1986, 1987). В 1963 году вышел русский перевод, сделанный В. М. Бахтой и Д. Н. Ляликовой под редакцией С. А. Токарева.

Марксистские взгляды пронизывают всю книгу. Во-первых, это примат экономического над собственно религиозным в определении сути «карго»-движений. Из логики Уорсли следует, что эти движения основывались, в первую очередь, на экономических и социальных, и лишь затем психологических предпосылках¹⁵. Он выдвинул идею, что с точки зрения папуасов европейцы хранили секрет недоступных для остальных товаров, стала основой для формирования дальнейшей дискуссии о причинах появления и сути карго-культов. Недоступность благ привела к ситуации дискриминации, в которой оказались меланезийцы с приходом европейцев: новые товары были доступны только представителям колониальной администрации. Впоследствии, отойдя от марксистских воззрений, он оценивал свою книгу как «слишком перегруженную политикой и экономикой. Особенно в сравнении с Питером Лоуренсом. Я отталкивался от политики и экономики, а Лоуренс – от мировоззрения»¹⁶.

Вместе с тем, такой экономический подход позволил Уорсли не оценивать карго-культы как конкретные проявления иррациональной мысли¹⁷, а попытаться понять их общие причины. Одним из основных приемов, используемых им для анализа, является выявление общих черт всех известных движений в регионе. Из чего он делает вывод об общей форме не связанных между собой милленаристских движений. Отмечу, в частности, что одной из идей Питера Уорсли является доказательство того, что деятельность «пророков» не является общей характерной чертой подобных движений¹⁸.

Вторым марксистским аспектом его аргументации является определение культов «карго» как антиколониальных движений. Религиозность, безумие, транс были для него лишь маскировкой. Уорсли объясняет оформление недовольства властями именно в форму милленаристских движений тем, что «не облеченное в религиозную форму проявление вражды к белым было чревато опасностями»¹⁹. «Культы» и «секты» были попыткой населения в колониальных условиях духовно обособиться от колониальных властей: создать социальную организацию, неконтролируемую

¹⁵ Уорсли П. Когда вострубит труба. С. 43, 56.

¹⁶ Peter Worsley: A Life, interviewed by Alan Macfarlane. P.8.

¹⁷ Уорсли П. Когда вострубит труба. С. 46.

¹⁸ Там же. С. 16.

¹⁹ Там же. С. 167.

колониальной администрацией²⁰, и восстановить традиционные брачные обычаи, религиозные практики, отношений между полами и поколениями²¹.

В качестве иллюстрации автор приводит движение, которое получило название «безумие Вайлалы», распространенное на побережье залива Папуа²². Название связано с сильной тем, что его сторонники впадали в транс, напоминающий поведение сумасшедших. Он приводит сведения о том, что большинство последователей «безумия Вайлалы» были законтрактованными рабочими, которые были слабо связаны с традиционной культурой и погружены в колониальные отношения²³. Именно невозможность следовать нормам традиции, как вследствие прямых запретов, так и из-за опосредованных ими явлений, приводила к росту протестных движений, в форме культов.

Наконец, в-третьих, марксистской является сама «историческая» модель изложения материала, с выделением «стадий развития культов», а также более и менее «отсталых» движений на основе их религиозности. Уорсли особо подчеркивает найденную им связь между «отсталостью» и удаленностью региона от колониальных властей с возникновением в нем подобных движений. В предисловии к русскому изданию С.А. Токарев развивает данную идею, проводя параллель между милленаристскими движениями в Океании и раннехристианскими общинами I-II вв. нашей эры. Уорсли выделяет «начальную» или «примитивную» стадию развития карго-культов, для которой характерны магические обряды, и стадию «политической борьбы», когда культы обыкновенно не имеют отношения к религии. Он пишет: «Милленаризм являлся главной формой политических действий со стороны обычных людей в таких регионах как Меланезия»²⁴. В качестве иллюстрации автор приводит движение Мансрены в Западном Ириане, которое первоначально представляло собой «проявление мирной милленаристской реакции», в дальнейшем оформилось в «хорошо организованные и дисциплинированные группы, прибегавших к вооруженной борьбе в своих попытках изгнать чужеземцев»²⁵.

Этнография Океании и марксизм: случай М. Годелье

Пожалуй, наиболее успешным примером использования марксистских идей для изучения культуры народов Океании является научная биография французского этнолога Мориса Годелье. Его книга «Загадка дара» с одной стороны является продолжением исследования экономики Меланезии и «стоит на плечах» М. Мосса, Б. Малиновского, А. Вейнер, хотя и корректирует все эти исследования, с другой – это развитие идей К. Маркса об отчуждении и также корректировка этих идей.

²⁰ Там же. С. 83.

²¹ Там же. С. 135.

²² Там же. С. 95.

²³ Там же. С. 99.

²⁴ Там же. С. 8.

²⁵ Там же. С. 180.

Морис Годелье родился в 1934 году в городе Камбре в регионе Нор – Па-де-Кале²⁶ на севере Франции в бедной католической семье. Учился в католическом Коллеже Нотр-Дам де Грас де Камбрэ. В 1955 году поступил в Высшую школу Сен-Клу (фр. *École normale supérieure de Saint-Cloud*), парижское высшее учебное заведение, дающее право преподавать гуманитарные науки в университетах. Во время обучения он много читал классических философов: Аристотеля, Платона, Канта, Гегеля, Гуссерля. Диплом был посвящен гегельянскому пониманию логики.

В 1959 году, получив степень агреже по философии, Годелье начинает работу в Эколь пратик, том самом вузе, где до 1950 года работал М. Мосс. Ученый работает сначала вместе с Фернаном Броделем, по большей части «занимаясь самообразованием»²⁷. Позже Бродель «передает его» Клоду Леви-Строссу, что приводит к переориентации философа на структуралистские идеи.

Еще во время обучения в коллеже Годелье знакомится с социалистическими идеями, и они захватывают его. Основные вопросы, которые, по его собственным замечаниям, волновали его в годы обучения были скорее общефилософского и политического характера. «Эти два вопроса были следующие: ‘Существует ли скрытая логика в экономических системах и что определяет необходимость их появления, восстановления и исчезновения в ходе истории?’ и ‘Каковы эпистемологические основания для получения теоретического знания об этих этапах?’»²⁸ По сути дела это вопрос о том, есть ли философские или логические основания того, что называется «животворящей силой рынка», его способностью организовывать взаимоотношения людей. Или, если сформулировать несколько иначе, можно ли найти логические причины не регулировать экономику, как это делается в социалистических обществах, а придерживаться принципа «laissez faire, laissez passer», характерного для капиталистических отношений.

Одна из первых работ Годелье была написана в жанре философии науки и называлась «Понятие "азиатский способ производства" и марксистские схемы эволюции обществ» (1964). Другое его произведение было еще более отвлеченно философским: «Рациональность и иррациональность в экономике» (1966). Как пишет сам исследователь: «В 1965 году [год окончания работы над рукописью книги – *A.T.*] мы заключили, проследовав по пути, который сами определили, что ‘никакой экономической рациональности не существует’, а главная проблема заключается в выработке структурного анализа социальных отношений в таком виде, чтобы мы могли анализировать ‘каузальность структур’, всех по очереди и, в особенности, каузальности способов производства для разных структур»²⁹. Этот год

²⁶ Современное название после укрупнения региона О-де-Франс. В регион с 2016 года помимо, Нор и Па-де-Кале, входит Пикардия.

²⁷ Морис Годелье - антропологические маршруты. Интервью с М. Годелье // Период. 2014 год. URL: <http://revueperiode.net/horizons-marxistes-en-anthropologie-entretien-avec-maurice-godelier/>. Дата обращения 25.08.2018

²⁸ Godelier M. Perspectives of Marxist anthropology. Cambridge, 1977. P. 1.

²⁹ Ibidem.

представляет собой своеобразный рубеж в исследованиях ученого. В это время антропологизм Леви-Стросса берет верх над отвлеченными философскими рассуждениями Маркса.

В 1966 году Годелье задумывается о собственном полевом исследовании и, по совету Альфреда Метро, готовился к поездке в Боливию. Однако по совету Леви-Стросса меняет регион на Новую Гвинею. В 1967 году начинаются длительные полевые исследования Годелье на центральном высокогорье Папуа-Новой Гвинеи у группы баруйя, которые продолжались с перерывами до 1988 года. Это племя было открыто в 1951 году, оно не имело признаков классового деления или следов зарождающихся государственных структур, однако в нем очень четко были развиты институты доминирования мужчин над женщинами. С 1960-го года баруйя установили регулярные контакты с австралийской колониальной администрацией. Одним из важных занятий племени с этого времени стало солеварение, а соль была одной из форм денег. Солеварение было тем занятием, через которое к баруйя проникали рыночные отношения, равенство и прочие нововведения цивилизации.

Итогом его исследований стала серия публикаций, посвященных вполне этнографическим сюжетам. Первой из них стала книга «Создание великих людей. Главенство мужчин и власть у баруйя Новой Гвинеи» (1982). Примечательно, что для обозначения статусных людей Годелье использует термин «великие люди» (фр. Grands hommes, англ. great men), которые не является тождественным понятию «большой человек» или «бигмен» (фр. bigman, англ. bigman). Основная идея этой работы в том, что имущественное расслоение не ведет к приобретению политической власти и особого социального статуса. Богатые люди, разбогатевшие за счет выращивания фруктов и корнеплодов, а также за счет торговли солью остаются таким же «рядовыми общинниками». Для того, чтобы получить статус великого человека этого недостаточно. Чтобы стать великим человеку необходимо было быть успешным в военном деле, в магии, а в первую очередь умело манипулировать своим происхождением и родственными связями. Перед нами опровержение классической марксистской схемы возникновения государства через появление социального расслоения. Богатство далеко не всегда может быть конвертировано в социальный статус, с одной стороны, а с другой – даже в самом простом обществе есть свои статусы (гендерные и возрастные), которые ставят одних людей выше, а других ниже³⁰.

Не менее значимым трудом стала книга «Загадка дара», изданная в 1996 году. Русский перевод А.Б. Щербаковой, под редакцией А.А. Белика вышел в 2007 году. Книга начинается с критического обзора работы М. Мосса «Очерк о даре». Годелье критикует своего знаменитого предшественника на пути исследования традиционной экономики за то, что он абсолютизирует отношения дарения. Согласно взглядам Мосса обязанности дарить, принимать дар и возвращать составляют основные жизненные практики человек. Годелье пишет, что есть еще обязанности перед сверхъестественными существами,

³⁰ Godelier M. La production des Grands Hommes. Pouvoir et domination masculine chez les Baruya de Nouvelle Guinée. Paris, Fayard «L'espace du politique», 1982. P. 185-189.

и эти обязанности намного важнее. Дары людям – есть лишь отражение даров богам. «Вера в душу вещей расширяет, но также и *возвеличивает* [здесь и далее в этой цитате курсив М. Годелье – *A.T.*] людей и социальные отношения, потому что она *делает их священными*. Ведь если вещи обладают душой, тогда дело в том, что сверхъестественные силы, боги и духи, обычно невидимые живут в них и циркулируют вместе с ними среди людей, присоединяясь то к одним, то к другим, но всегда присоединяя их к себе»³¹. Итак, точкой отсчета в критике классической, московской идеи дара для Годелье становится несуществующее в обществе баруйя противопоставление «идеального» и «материального».

Во второй части работы автор подробно описывает священные вещи баруйя – это «кваиматнье» (тайные священные объекты, завернутые в несколько слоев ткани), засушенные пальцы лучника Бекитшатше, священные трещотки, данные предками, и священные флейты, отнятые у женщин. Именно эти объекты дополняют реальность дарообменных отношений. Эти объекты были подарены богами, и люди не могут их передаривать кому бы то ни было. Вместе с тем, именно эти объекты постоянно дают племени жизненную силу, которая воплощается в рождении детей, военных победах и прочих важных событиях. Именно это «неотчуждаемое» придает значение всему «отчуждаемому», делает возможными сами акты дарения и обмена³².

Именно существование неотчуждаемого есть основа возможности отчуждать. «Священным» и «неотчуждаемым» предметом «западного общества» является индивид. Именно «человек-личность» не может быть подарена, продана за долги. Именно она является той точкой отсчета, от которой отмеривается все успехи и победы или неудачи. Индивид – основа нашего «общества успеха», если бы не было сакрализации «человека-личности», то, например, не было бы той ячейки, куда «складываются» все его достижения. Эти достижения могли бы делиться понемногу между неразрывно спаянными родственниками или, наоборот, вместе с достижениями других отдельных людей складываться в ячейку всей группы. Годелье подводит итог: «Мы находимся в обществе, которое как ни одно другое высвобождает весь потенциал, все силы, которые дремлют в индивиде, но которое в то же время толкает каждого индивида к тому, чтобы разрушать солидарность с другими, при этом используя их»³³. Итак, используя распространенный в антропологии прием Годелье находит священное не только в отдельном обществе далекой окраины, но и в самом сердце западного общества.

Встает вопрос: насколько марксистские эти построения ученого? С одной стороны, понятие «священное» – это субстанция, относящаяся к «надстройке», к религии, которую К. Маркс и вовсе характеризовал как «опиум для народа», то есть нечто, что принципиально не может играть решающую роль в сфере производства и производственных отношений. С другой стороны, в своей критике

³¹ Годелье М. Загадка Дара. М., 2007. С. 132.

³² Там же. С. 178-179.

³³ Там же. С. 256.

рыночных отношений, как чего-то поверхностного, «экономики только ради денег» марксисты всегда помнили о «священном», «овеянном благоговейным трепетом» в повседневном мире. Так, в «Коммунистическом манифесте» написано: «Буржуазия лишила священного ореола все роды деятельности, которые до тех пор считались почетными и на которые смотрели с благоговейным трепетом. Врача, юриста, священника, поэта, человека науки она превратила в своих платных наемных работников»³⁴. Не исчезло понятие «священное» и в официальном советском дискурсе: «как показывает "Национальный корпус русского языка", в текстах, написанных с 1935 по 1980 год, священными бывают: Байкал (в песне), храм (речь идет о театре), долг (воинский и материнский). Переживать священное предписано там, где манифестированы общие ценности: у могилы Неизвестного солдата, у вечных огней (на мемориальных площадках) и тогда, когда ты свою приверженность им подтверждаешь, принося воинскую присягу "перед лицом своих товарищей"»³⁵. Именно это «священное» составляло основу советского строя для многих людей, а не формальная идеология и официальные документы. Можно сказать, что Годелье не отходил от марксизма, в чем его упрекают некоторые авторы³⁶, а скорее пытался уловить суть идей К. Маркса и его последователей.

Некоторые итоги

Еще раз повторюсь, что настоящая работа носит обзорный и предварительный характер. Вместе с тем, нельзя не отметить некоторые черты, которые проявляются у всех авторов, так или иначе связанных темами «марксизм» и «этнография Океании». Во-первых, это «альтернативность» мышления и материала. Океания, как наименее затронутая колонизацией часть Нового Света представляет общества и культуры, в наибольшей степени сохранившие свою самобытность. Океанию попросту нельзя изучать этнографически, или лучше сказать нельзя дать внятного этнографического (антропологического) объяснения этих реалий, используя «неолиберальную» точку зрения или находясь в рамках «капиталистических научных парадигм». Все сторонники альтернативной точки зрения на современность так или иначе используют факты, взятые из культурного пространства Океании. Сам интерес Д.Д. Фрезера к Океании породил ученых, пришедших к марксистским или анархистским воззрениям.

Во-вторых, нельзя говорить о том, что и в случае с Моссом, и в случае с Уорсли, и в случае с Годелье мы имеем дело со ортодоксальным, строгим марксизмом. Это идеи, которые отталкиваются от работ марксистов и развивают их идеи. Это можно назвать «живым марксизмом». Можно использовать термин подобный широкому английскому понятию «*marxian*» – «марксистскоподобный», который противопоставляется узкому понятию «*marxist*» – марксистский.

³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. ПСС 2-е изд. Т 4. М.-Л., 1955. С. 427. (419-459).

³⁵ Адоньева С.Б., Веселова И.С. и др. Первичные знаки/ назначенная реальность. СПб., 2017. С. 185-186.

³⁶ Clastres P. French Marxists and their Anthropology //Unpublished manuscript. 1977. P. 3. (1-11).

В-третьих, работы Мосса, Уорсли и Годелье представляют три способа использования марксизма. Мосс описывает немарксистским языком океанийские феномены для политической дискуссии с другими социалистами. Уорсли описывает марксистским языком и в рамках марксистской парадигмы явление карго-культов. Годелье рафинирует идеи марксизма: используя океанийские материалы он уточняет идеи Маркса, фактически вступая с ним в спор. Однако, на взгляд автора настоящей работы, все три автора смотрят в одну сторону, более того, книга Годелье продолжает книгу Мосса, дополняя и корректируя ее.

В-четвертых, общей чертой этих работ может стать их актуальность. Про своевременность работы Мосса было уже сказано. Уорсли написал работу как раз тогда, когда карго-культы жили полной жизнью, а то, что сейчас устойчиво именуют «движением Яли» фигурировало еще как «дело Яли» [«дело» в полицейском смысле этого слова – *A.T.*]. И Годелье, как и Мосс, отвечал своей книгой на текущие политические события. Как он пишет большевизм «породил», но впоследствии «предал» идею о том, что демократия «может выходить за рамки политики и проникать в сферу экономики». Пафос книги заключается в том, «что старый миф экономического либерализма, веры в достоинства рынка и конкуренции как единственных институтов, способных регулировать важнейшие проблемы общества, вновь вышел на поверхность». Но это именно миф, фигура умолчания. «Можем ли мы представить себе ребенка, который заключает контракт со своими родителями? Эта идея абсурдна. <...> связь рождения не является предметом сделки между заинтересованными лицами. И однако именно о таких непреложных вещах наше общество стремится хранить молчание»³⁷. Борьба с наиболее популярными утверждениями и есть основная задача современной антропологии, а неолиберальные мифы – самые распространенные из них.

Библиография:

- Адоньева С.Б., Веселова И.С. и др. Первичные знаки/ назначенная реальность. СПб., 2017.
Годелье М. Загадка Дара. М., 2007.
Гофман А.Б. Социальная антропология Марселя Мосса // Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М., 2011.
Грэбер Д. Фрагменты анархистской антропологии. М., 2014.
Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. ПСС 2-е изд. Т 4. М.-Л., 1955.
Мосс М. Очерк о даре. М., 1996.
Старое и новое в этнографическом изучении наследия Н.Н. Миклухо-Маклая. СПб., 2014.
Туторский А.В., Винецкая А.А. Берег Маклая 140 лет спустя // Исторические исследования. 2015.
Уорсли П. Когда вострубит труба. М., 1963.
Clastres P. French Marxists and their Anthropology // Unpublished manuscript. 1977.
Godelier M. Perspectives of Marxist anthropology. Cambridge, 1977.

³⁷ Годелье М. Загадка Дара. М., 2007. С. 256.

Godelier M. La production des Grands Hommes. Pouvoir et domination masculine chez les Baruya de Nouvelle Guinée. Paris, Fayard «L'espace du politique», 1982.

Worsley P. A Life, interviewed by Alan Macfarlane. (Accessed April 2013) Feb, 1989.

Bibliography:

Adon'eva S.B., Veselova I.S. i dr. Pervichnie znaki/ naznachennaya real'nost'. SPb., 2017.

Godelier M. Zagadka Dara. M., 2007.

Gofman A.B. Sotsial'naya antropologiya Marselya Mossa // Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudi po sotsial'noy antropologii. M., 2011.

Greber D. Fragmenti anarkhistskoy antropologii. M., 2014.

Marks K., Engel's F. Manifest kommunisticheskoy partii. PSS 2-e izd. T 4. M.-L., 1955.

Moss M. Ocherk o dare. M., 1996.

Staroe i novoe v etnograficheskom izuchenii naslediya N.N. Miklukho-Maklaya. SPb., 2014.

Tutorskiy A.V., Vinetskaya A.A. Bereg Maklaya 140 let spustya // Istoricheskie issledovaniya. 2015.

Worsley P. Kogda vostrubit truba. M., 1963.

Clastres P. French Marxists and their Anthropology // Unpublished manuscript. 1977.

Godelier M. Perspectives of Marxist anthropology. Cambridge, 1977.

Godelier M. La production des Grands Hommes. Pouvoir et domination masculine chez les Baruya de Nouvelle Guinée. Paris, Fayard «L'espace du politique», 1982.

Worsley P. A Life, interviewed by Alan Macfarlane. (Accessed April 2013) Feb, 1989.